

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 2, pp. 325–339, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(470.47).083

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-325-339

Калмыцкая повседневность в годы Первой мировой войны: будни мобилизации населения на тыловые работы в Калмыцкой степи Астраханской губернии в 1916 г.

Александр Нармаевич Команджаев¹, Евгений Александрович Команджаев²

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой

 0000-0002-7064-7315. E-mail: ak.narma@mail.ru

² Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой

 0000-0002-4542-8786. E-mail: komandzhaev@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Команджаев А. Н., Команджаев Е. А., 2023

Аннотация. *Введение.* Предметом исследования является традиционное калмыцкое общество в годы Первой мировой войны. Историография проблемы повседневности в советские годы исчерпывалась единичными статьями в 1960–1980-х гг. Более активное внимание к данной теме было обращено сравнительно недавно, и некоторые ее аспекты нуждаются в дополнениях. Данная проблема актуализируется также в свете современных международных отношений и необходимости укрепления исторического единства народов нашей страны. *Цель работы* достаточно конкретна: представить дополнительные сведения о повседневной жизни кочевников-калмыков в годы войны и, в первую очередь, о мобилизационных мероприятиях в калмыцких улусах в 1916 г. *Материалы и методы исследования.* Статья основана на использовании широкого круга делопроизводственных материалов фондов Национального архива Республики Калмыкия, большинство из которых впервые вводится в научный оборот. Работа базируется на применении комплекса общенаучных и конкретно-исторических методов и подходов, среди которых особое место занимают принципы историзма, объективности и системного анализа. Указанный синтез источниковой базы и методов исследования позволил создать достоверную картину калмыцких реалий в условиях военной тревоги. *Результаты.* В отличие от многих регионов России экономика Калмыцкой степи Астраханской губернии, основанная на кочевом и полукочевом животноводстве, сохранила свою устойчивость. Однако данная устойчивость обеспечивалась крупными и средними скотоводами, которые в условиях возросшего в годы войны спроса на животноводческую продукцию наращива-

ли свое производство. Для бедняков и части середняков война принесла дополнительные тяготы, в числе которых особо обременительной явилась мобилизация на тыловые работы в прифронтовых губерниях.

Ключевые слова: кочевники, калмыки, Астраханская губерния, Калмыцкая степь, улусы, аймаки, война, хозяйство, мобилизация, реквизиции, зайсанги, простолюдины

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации проекта Российского научного фонда «Между Востоком и Западом: цивилизационно-культурное развитие калмыцкого общества в составе дореволюционной России» (№ 23-18-20019).

Для цитирования: Команджаев А. Н., Команджаев Е. А. Калмыцкая повседневность в годы Первой мировой войны: будни мобилизации населения на тыловые работы в Калмыцкой степи Астраханской губернии в 1916 г. // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 2. С. 325–339. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-325-339

Kalmyk Everyday Life during WWI: Rear Service Mobilization across Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate in 1916

Alexandr N. Komandzhaev¹, Evgeniy A. Komandzhaev²

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Head of Department

 0000-0002-7064-7315. E-mail: ak.narma@mail.ru

² Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation)

Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Head of Department

 0000-0002-4542-8786. E-mail: komandzhaev@mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Komandzhaev A. N., Komandzhaev E. A., 2023

Abstract. Introduction. The paper examines traditional Kalmyk society during WWI. The Soviet-era historiography dealing with the issue in question is limited to few articles published in the 1960s–1980s. More attention has been paid to the topic relatively recently, and some of its aspects need further additions, since this tends to become relevant enough in the light of present-day international relations and the need to strengthen historical unity of peoples constituting our nation. **Goals.** The work specifically aims to provide additional insights into everyday life of Kalmyk nomads during WWI and primarily — the 1916 mobilization activities in Kalmyk uluses. **Materials and methods.** The article analyzes of a wide range of official documents stored at the National Archive of Kalmykia, the bulk of the latter be newly introduced into scientific circulation. The work employs a set of general scientific and special historical research methods, of which the principles of historicism, objectivity and system-oriented analysis are of paramount importance. The synthesis of sources involved and the selected research methods has yielded a reliable picture of Kalmyk realities in the face of war-driven anxiety. **Results.** Unlike many regions of Russia, the economy of Kalmyk Steppe (Astrakhan Governorate) was based on nomadic and semi-nomadic livestock breeding and did maintain its stability. However, this stability was ensured by large and medium-scale livestock breeders who were to increase food (and other) production to meet the increased demand of war time. For the poor and some middle-class peasants the war brought additional hardships, including the particularly burdensome mobilization for rear services in the front-line provinces.

Keywords: nomads, Kalmyks, Astrakhan Governorate, Kalmyk Steppe, uluses, aimaks, war, economy, mobilization, requisitions, zaisangs, commoners

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 23-18-20019 ‘Between East and West: Civilizational and Cultural Development of Kalmyk Society in Pre-Revolutionary Russia’.

For citation: Komandzhaev A. N., Komandzhaev E. A. Kalmyk Everyday Life during WWI: Rear Service Mobilization across Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate in 1916. *Oriental Studies*. 2023; 16(2): 325–339. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-325-339

1. Введение

Начало изучения темы участия калмыков в Первой мировой войне относится к 1960-м гг. И. И. Орехов о развитии калмыцкого общества в период Первой мировой войны опубликовал, по существу, первую исследовательскую работу по данной теме [Орехов 1967], основные материалы которой легли в основу параграфа «Калмыкия накануне и в годы первой мировой войны» в обобщающем труде [Очерки истории 1967].

В статье А. Н. Команджаева изучение данной темы пополнилось новыми источниками [Команджаев 1989], явившимися основой параграфа «Влияние первой мировой войны на калмыцкое хозяйство и общество» в трехтомной истории Калмыкии [История Калмыкии 2009]. В статье Р. К. Надбитова, посвященной характеристике калмыцкого хозяйства в рассматриваемый период, содержится анализ дополнительных архивных источников [Надбитов 2012].

В значительной степени на современном этапе изучение исследуемой проблемы пополнилось работами К. Н. Максимова. В 2014 г. была опубликована его статья об участии донских калмыков-казаков в военных действиях на фронтах Первой мировой войны на основе привлечения широкого круга источников, выявленных автором в Российском государственном военно-историческом архиве и Государственном архиве Ростовской области [Максимов 2014a]. В том же году вышла в свет другая его статья, в которой рассмотрены вопросы как продовольственной помощи фронту, так и мобилизации калмыков Астраханской и Ставропольской губерний на тыловые работы, а также тяжелые условия их пребывания в прифронтовых местностях [Максимов 2014б].

В обобщенном виде история калмыков в составе донского казачества подробно рассмотрена К. Н. Максимовым в его монографии [Максимов 2016], явившейся очень

содержательным достойным продолжением и дополнением трудов К. П. Шовунова [Шовунов 1991; Шовунов 1992].

Несмотря на географические рамки исследования (речь идет о калмыцких казачьих станицах области Войска Донского), в монографии К. Н. Максимова уделено место характеристике реквизиционных и мобилизационных мероприятий у населения Калмыцкой степи Астраханской губернии и Большедербетовского улуса Ставропольской губернии. Исследование указанной темы было продолжено в статье К. Н. Максимова, опубликованной в 2021 г., в которой автор представил обобщенный анализ участия калмыков в Первой мировой войне [Максимов 2021].

С учетом степени изученности проблемы нами в настоящей работе поставлена конкретная задача — дополнить имеющиеся в литературе сведения о мобилизации калмыков Астраханской губернии конкретными деталями этих событий. Географические рамки исследования ограничиваются территорией Калмыцкой степи Астраханской губернии, где проживало калмыцкое кочевое общество с традиционным укладом жизни. Другие регионы России с калмыцким населением существенно отличались более активным переходом к оседлости, высокой степенью аккультурации и, за исключением Большедербетовского улуса Ставропольской губернии, казачьей системой управления.

2. Материалы и методы исследования

Исследование базируется на использовании широкого круга делопроизводственных материалов из фондов 9 («Управление калмыцким народом») и 15 («Малодербетовское улусное управление»), большинство из которых впервые вводится в научный оборот. Количественное и качественное многообразие используемых в работе документов позволило создать достаточно объективную и потому достоверную кар-

тину жизни калмыцкого общества в 1916 г. Главным содержанием этого военного года в регионе являлась мобилизация калмыков на тыловые работы. Статья основывается на применении общенаучных и специально-исторических методов, в числе которых главное место занимают принципы историзма, объективности и системного анализа, позволившие автору представить повседневную жизнь калмыцкого региона в условиях военной тревоги.

3. Состояние Калмыцкой степи в годы Первой мировой войны

Население Калмыцкой степи в 1914 г. составляло: калмыков — 143 746 чел. и 4 224 посторонних лиц. Животноводство в калмыцких улусах Астраханской губернии в 1914 г. характеризовалось следующими показателями: 20 398 верблюдов, 68 696 лошадей, 161 947 голов крупного рогатого скота, 647 590 овец калмыцкой породы, 26 521 тонкорунных овец, 15 501 коз и 149 свиней. В 1915 г. численность скота в Калмыцкой степи значительно возросла: 20 552 верблюдов, 75 980 лошадей, 223 016 голов крупного рогатого скота, 915 782 овец, 17 371 коз и 204 свиней. В 1916–1917 гг. поголовье скота в Калмыцкой степи оставалось на таком же уровне, за исключением сократившейся численности овец до 506,0 тыс., что было связано с ростом поставок мясопродуктов на фронт и дальнейшим переходом калмыков к оседлости [Команджаев 1999: 136, 247, 254].

В связи с поставками на фронт значительно возросла в первый военный год торговля скотом: если в 1912 г. скота продали на сумму в 1,6 млн руб., то в 1914 г. — на сумму в 5,05 млн, т. е. более чем в 3 раза [Команджаев 1999: 257]. За 1916–1917 гг. также возросла площадь посевов зерновых культур: озимой ржи — в 3 раза, яровой ржи — в 11, яровой пшеницы — в 3, озимой пшеницы — в 2,4 раза. Если в довоенный период земледелие концентрировалось в Малодербетовском улусе, то в 1916–1917 гг. на лидирующие позиции в этой отрасли выдвинулся Манычский улус, где посевы зерновых за год возросли с 1,6 тыс. дес. до 9,2 тыс. в 1917 г., в Малодербетовском — с 1,9 тыс. до 8,3 тыс. дес. [Команджаев 1999: 140–141]. В отличие от многих регионов России калмыцкое хозяйство в период Первой мировой войны сохраняло стабильность.

Однако эта устойчивость экономики Калмыцкой степи обеспечивалась крупными и средними хозяевами. Для бедняков и части середняков (а они составляли большинство калмыцкого населения) война принесла дополнительные тяготы. В период войны наблюдался рост цен и инфляция (впервые за многие десятилетия), произошел упадок розничной торговли, возник дефицит многих товаров. Свою лепту в снижение уровня жизни населения внес воинский налог, который на примере некоторых аймаков, по данным К. Н. Максимова, составил около 8 % от всей суммы ежегодных сборов [Максимов 2016: 391–392]. Постоянными в военный период являлись реквизиции лошадей в ремонт кавалерии, верблюдов — для транспортных нужд, овец и крупного рогатого скота — для снабжения продовольствием. Безусловно, эта разверстка скота для сдачи на нужды армии зачастую вызывала протестные настроения в обществе. Вполне рядовым событием в военные годы явилось постановление астраханского губернатора об аресте на 2 месяца С. Н. Натырова, который на заседании аймачного схода, обсуждавшего вопрос о разверстке, «нарушал на сходе тишину и спокойствие, затруднил рассмотрение текущих дел и вынудил старшину снять с обсуждения некоторые вопросы» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 77].

Тяжелой ношей для бедняков являлись «добровольные» пожертвования населения на общую сумму только в 1914 г. свыше 300 тыс. руб. [Команджаев 1999: 145]. На военные годы пришлось существенное сокращение площади калмыцкого землепользования в Астраханской губернии: 600 тыс. дес. 15-верстной полосы, ранее находившихся в совместном пользовании кочевников-калмыков и оседлого населения вдоль Волги, были в 1916 г. переданы крестьянским и казачьим поселениям Черноярского уезда. Также продолжался перевод части калмыцких земель в оброчные статьи для сдачи в аренду и осуществлялась ставшая традиционной практика сдачи общинных земель в аренду крестьянам для выпаса скота или распашки [Команджаев 1999: 149–150].

В крайне тяжелом положении оказались жители крестьянских сел, расположенных по соседству, мужское население кото-

рых было мобилизовано на фронт. В Калмыцкую степь прибывали также беженцы с прифронтовых губерний. Все это повышало тревожность военного времени в калмыцких улусах.

Но в наиболее сложном положении оказались калмыки в период реализации указа Николая II от 25 июня 1916 г. о «О привлечении мужского инородческого населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ» [Собрание узаконений 1916: 1747 (№ 182)]. Наиболее обобщенные сведения о масштабах мобилизационной кампании в Калмыцкой степи представлены в работах К. Н. Максимова. По его данным, здесь было мобилизовано 12 618 калмыков в возрасте от 19 лет до 31 года. Из них была предоставлена отсрочка до декабря для 1 362 чел. по болезни либо занятых в качестве рабочих в отраслях, важных для нужд фронта. Дополнительно Министерство внутренних дел разрешило оставить 3,5 тыс. «инородцев» в качестве рабочей силы взамен мобилизованных на фронт мужчин соседних крестьянских поселений [Максимов 2021: 50]. От призыва на тыловые работы были освобождены нойоны и зайсанги, штатное буддийское духовенство, должностные лица органов местного самоуправления (аймачные старшины, хотонные старосты, писари аймачных правлений и др.), специалисты (учителя, врачи и фельдшеры), учащиеся, студенты учебных заведений, лица, занятые в качестве рабочих на рыбных и соляных промыслах, а также на заготовках продовольствия для армии (перегонщики скота), рабочие на транспорте и наемные работники по просьбам их работодателей. Мобилизованные на тыловые работы астраханские калмыки, сведенные в пятисотенные команды, трудились на тяжелых и трудоемких участках в западных прифронтовых губерниях (Херсонская, Ревельская, Минская, Волынская и др.): рытье окопов, строительство железных дорог, погрузочно-разгрузочные работы и др. Нередкими для калмыков на тыловых работах являлись болезни и случаи смерти, нехватка продовольствия и теплой одежды. Порой некоторые совершали побеги [Команджаев 1999: 147–148]. 5 мая 1917 г. было принято постановление Временного правительства о

демобилизации призванных на тыловые работы, однако, по мнению К. Н. Максимова, мобилизованные калмыки продолжали работать до октября 1917 г. [Максимов 2021: 50].

4. Отсрочки от мобилизации

Заведующий калмыцким народом Б. Э. Криштафович в телеграмме всем попечителям и заведующим улусами от 13 июля 1916 г. разъяснил, что «зайсанги, потомственные почетные граждане, удостоверяющие свое звание документами, подлежат освобождению от призыва» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 410. Л. 2]. Данное разъяснение Б. Э. Криштафовича было вызвано обилием просьб об освобождении от мобилизации различных групп калмыцкого населения и, в частности, ходатайством аймачных старшин Манычского улуса, которые просили освободить от мобилизации хурульных учеников «как будущих кандидатов на духовные должности», в чем им было отказано губернатором [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 410. Л. 1–3]. Встал также вопрос в период мобилизации об освобождении от призыва тех представителей духовенства, которые были рекомендованы на штатные должности священнослужителей, но еще не были утверждены в этих должностях. Телеграмму об этом отправили губернатору представители Раши-Челинг большого хурула Дунду-Хурулова рода Малодербетовского улуса, из которого должны были призвать 18 хурульных учеников, в том числе вошедших в штатное духовенство хурула, но еще не утвержденных в этом. Управление калмыцким народом (УКН) 15 июля 1916 г. предложило попечителю улуса объявить просителям, что «еще утверждения их в штат нет» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 410. Л. 7–8]. Подобное ходатайство об освобождении от призыва духовенства Ламрин-Челинг малого хурула поступило в УКН от хотонных старост Приволжского аймака Малодербетовского улуса, попечителю этого же улуса — от начальника Раши-Гомонг малого хурула Цаган-Нурского аймака Ц.-Ш. У. Талтаева об освобождении от мобилизации 7 кандидатов на должности штатного духовенства. По решению совещания попечителей калмыцких улусов в подобных просьбах об освобождении нештатного духовенства было отказано, о чем УКН

предложило попечителю улуса объявить об этом старшему бакше малодербетовских хурулов З. Музаеву [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 410. Л. 11–21].

В июле 1916 г. крещеный калмык Иван Горохов, псаломщик Кирилло-Мефодиевской церкви пос. Кегульты Малодербетовского улуса, телеграммой в УКН просил освободить его от призыва. УКН направило его просьбу на рассмотрение губернатора, сопроводив ее ходатайством попечителя улуса и своим собственным заключением. В августе заведующий калмыцким народом С. Р. Залкинд сообщил попечителю Малодербетовского улуса, что И. Горохов «от реквизиции на тыловые работы освобожден» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 410. Л. 25–35].

В ходе работы мобилизационных комиссий встал вопрос о тех зайсангах, которые ошибочно не значились в посемейных списках зайсангов 1910 г., но вовремя это не исправили. Зайсанги Сальского аймака Малодербетовского улуса Е. Мучкаев, О. Бадмаев, Л. Басангов и другие (всего 11 чел.) направили 5 октября 1916 г. телеграмму губернатору о том, что они ошибочно включены в списки простолюдинов. Попечитель улуса по этому поводу пояснил следующее: «Да, они записаны как простолюдины. В то же время большинство из них значится в посемейном списке зайсангов. Несколько раз я приказывал поверить списки на сходах, ... но никто не правил и не заявлял. Никто не позаботился доказать свое достоинство». Мобилизационная комиссия постановила считать их простолюдинами, и 6 октября 1916 г. они все были отправлены в сборный пункт отправки на тыловые работы в г. Черный Яр [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 410. Л. 74, 88].

Просьб от зайсангов разных улусов, записанных в аймачные посемейные списки простолюдинов, было достаточно много. В частности зайсанги Хошеутовского аймака Икицохуровского улуса Б. Шурчаков и Ч. Насанов обратились к заведующему улусом с вопросом, относятся ли они к мобилизуемым лицам [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 410. Л. 12]. 6 сентября 1916 г. УКН разослало в улусные управления циркуляр с разъяснением, что льготами пользуются зайсанги, записанные в аймачных посемейных списках и «имеющие грамоты о за-

йсангстве» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 410. Л. 53об.]. Заведующий калмыцким народом в период отправки мобилизованных на тыловые работы в октябре 1916 г. направлял в улусные управления теперь уже ставшие привычными указания заведующему Икицохуровским улусом: «Ходатайства просителей о внесении их в посемейные списки зайсангов не подлежат удовлетворению, так как исправление посемейных списков ныне уже несвоевременно» или попечителю Багацохуровского улуса: «Льготой по призыву пользуются лишь те нойоны и зайсанги, кои имеют доказательство принадлежности к привилегированному сословию» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 410. Л. 30, 96].

Жители Батутовского аймака Яндыко-Мочажного улуса направили в октябре 1916 г. телеграмму губернатору, в которой они выражали недовольство тем, что сыновья их старшины Б. Дензенова Сангаджи и Дорджи освобождены от призыва, хотя их отец не является зайсангом. Попечитель улуса по этому поводу объяснил, что С. и Д. Дензеновы освобождены от призыва, поскольку их отец, старшина аймака, является потомственным почетным гражданином Российской империи с приложением соответствующей справки: «Государь Император по Всеподданнейшему докладу Министра внутренних дел и согласно Положению Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах Всемиловнейше соизволил пожаловать ко дню 6 декабря 1914 г. старшине Батутовского аймака Яндыко-Мочажного улуса Астраханской губернии звание потомственного почетного гражданина» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 410. Л. 36–37]. По той же причине был освобожден от мобилизации калмык Долбанского аймака Яндыко-Мочажного улуса Н.-М. Баинов, поскольку его отец, находившийся в отставке и имевший чин губернского секретаря, являлся потомственным почетным гражданином [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 410. Л. 34].

24 августа 1916 г. во избежание недоразумений заведующий калмыцким народом выдал удостоверения нойонам Александровского улуса Сереб-Джапу, Джап-Мергену и Темиру Тюменям о том, что «они действительно являются потомками нойона Батыка Тюмень» [НА РК. Ф. И-9. Оп.

1. Д. 410. Л. 41]. Тогда же старшина Цаган-Нурского аймака С. У. Талтаев выдал удостоверение безаймачному зайсангу Л. Коляеву, 21 года, в том, что «он в 1910 г. занесен в особую книгу под № 6 для записи семейств зайсангов» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 410. Л. 49].

5. Коннозаводчики Калмыцкой степи в 1916 г.

Большое число калмыцких коннозаводчиков были также освобождены от мобилизации, поскольку являлись главными поставщиками лошадей на нужды армии. Следует признать, что с конца XIX в. в калмыцких улусах производилась организованная работа по проведению военно-конских переписей 1891, 1901 и 1912 гг. для плановых поставок лошадей в ремонт кавалерии. Калмыцкая порода соответствовала всем требованиям, предъявляемым к кавалерийским верховым лошадям. Приведем описания двух лошадей калмыцкой породы, подведенных императору и императрице в день коронации в 1896 г. коннозаводчиком, гецеюлем 2-го Чонкорлинг большого хурула Икицохуровского улуса Леджином Ходжигоровым: «Жеребец рыже-золотистой масти, 3 лет, задняя нога выше щетки белая, передняя правая нога на полвенчика белая, тавро на правой задней ляжке, рост 2 аршина и 4 вершка (160 см. — А. К., Е. К.). Кобылица светло-бурой масти, 5 лет, тавро на правой задней ляжке, правая задняя нога выше щетки белая, рост 2 аршина и 4 вершка. Обе лошади совершенно здоровы, калмыцкой породы, родились и воспитывались в Калмыцкой степи, в Икицохуровском улусе». За этот подарок коневоду была объявлена императором благодарность [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 802. Л. 3, 14].

С учетом значимости Калмыкии как крупного в европейской России коневодческого региона было принято еще в 1894 г. военным министерством специальное «Положение о комплектовании войск лошадьми при приведении армии в полный состав и во время войны, в применении к калмыкам Астраханской губернии» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1228. Л. 24–28], осуществлялись регулярные приезды в Калмыцкую степь кавалерийской ремонтной комиссии и создана заводская конюшня в 1909 г. [Команджаев 1999: 80].

Сразу после административной реформы 1910 г., укрупнившей калмыцкие аймаки и хотоны, было упорядочено деление улусов на военно-конские участки, призванные обеспечивать поставку лошадей в ремонт кавалерии. Если ранее Калмыцкая степь была поделена на 30 таких участков, включавших в себя различное число хотонов и аймаков, то с 1910 г. их стало 34 в строгом соответствии с количеством созданных аймаков. Заведующими военно-конских участков было решено назначить аймачных старшин с помощниками в лице избранных к ним кандидатов [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 334. Л. 1об.]. Были составлены списки военно-конских участков с имеющимся в каждом аймаке количеством лошадей.

Обращает на себя внимание малое количество лошадей во всех 7 аймаках Яндыко-Мочажного улуса (4 714 лошадей, по данным на 1 октября 1910 г.) [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 334. Л. 20]. Такое же небольшое число лошадей имелось в Северном (410) и Шарнутовском аймаках (203) Малодербетовского улуса [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 334. Л. 42]. Это, на наш взгляд, объясняется тем, что в этих районах наблюдалась относительно высокая степень перехода к другим видам хозяйствования и к оседлости, в связи с чем здесь снизилась функциональная роль лошади в хозяйстве. Противоположная картина наблюдалась в скотоводческих регионах Калмыцкой степи: в Эрдниевском (3 043 лошади) и Харахусовском (1 498) аймаках Харахусовского улуса, во всех трех аймаках Эркетеневского улуса (от 2 тыс. до 4 тыс. лошадей в каждом аймаке) [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 334. Л. 11, 27]. Наивысшая численность лошадей имела, по данным за сентябрь 1910 г., в Икицохуровском улусе: Ачинер-Шебенеровский аймак — 6 177 лошадей, Кетченер-Шебенеровский — 5 767, Зюнгаковский — 3 599, Сатхало-Хошеутовский аймак — 2 949 лошадей [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 334. Л. 16].

Ответственность за деятельность военно-конских участков по плановым поставкам лошадей в армию была возложена в улусах на попечителей и заведующих улусами [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 334. Л. 1].

В последующий период возникла необходимость в образовании двух дополнительных военно-конских участков: в связи с выделением с 1 января 1912 г. Бага-Хуруль-

ского аймака из состава Центрального было запланировано создание здесь нового участка, и с созданием Мандженкиновского аймака из части Бурульского 12 марта 1914 г. тогда же был образован здесь еще один военно-конский участок [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 334. Л. 236, 274].

В 1916 г. в Калмыцкой степи была организована официальная регистрация калмыцких коневодов в качестве коннозаводчиков Астраханской губернии, о чем им выдавались именные свидетельства Главного управления государственного коннозаводства (ГУГК). Эти свидетельства с указанием численности лошадей в их хозяйствах получили крупнейшие скотоводы Калмыцкой степи: зайсанг Манычского улуса, владелец заводской конюшни по содержанию верховых лошадей калмыцкой породы и полукровок английской породы Ц. З. Дондуков [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 415. Л. 16], зайсанг Багацохуровского улуса Цебек-Джал Бегали Онкоров, поставлявший ежегодно в ремонт кавалерии и в казачьи войска свыше 300 лошадей [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 406. Л. 1], зайсанги Церен Бадмаев (помимо нескольких сот лошадей он имел 175 верблюдов, 700 голов крупного рогатого скота и 3 500 овец) и Цаган-Убуши Леджинов из Икицохуровского улуса. В хозяйстве последнего насчитывалось 1 800 верховых кавалерийских лошадей, 1 300 голов крупного рогатого скота, 2 500 овец и 200 верблюдов с ежегодными поставками в ремонт кавалерии 200 лошадей. Только в 1916 г. он сдал на нужды фронта 204 и подготовил к сдаче еще 600 голов крупного рогатого скота и 300 лошадей [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 406. Л. 2, 22, 36].

К крупным скотоводам следует отнести получившего свидетельство ГУГК простолюдина Эркетеневского улуса Манджи Даланова, имевшего в 1916 г. 700 лошадей, 2 000 овец, 170 голов крупного рогатого скота и 160 верблюдов, и простолюдина Улюмджи Лиджиева из Икицохуровского улуса (в свидетельстве ГУГК о количестве лошадей у последнего было указано 23 жеребца и 300 маток верховой калмыцкой породы) [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 406. Л. 12, 46].

Свидетельства ГУГК также были выданы в 1916 г. малому Онкоровскому и 1-му большому хурулам Багацохуровского улуса

и Талтанкиновскому Раши-Гаванг малому хурулу Малодербетовского улуса [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 415. Л. 6, 47, 57].

Среди прочих свидетельства ГУГК получили калмыки Малодербетовского улуса: в Приволжском аймаке — врач Эренджен Хара-Даван и в Центральном аймаке — помощник присяжного поверенного в г. Астрахани Санджи Баянов, владевшие достаточным для этого количеством лошадей [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 415. Л. 77, 162]. В Калмыцкой степи 138 коннозаводчиков, имевшие свидетельства ГУГК, были освобождены от мобилизации в 1916 г. [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 406. Л. 32].

Однако это освобождение касалось самих коневодов и, видимо, не относилось к их детям и внукам. Поэтому 78-летний зайсанг Цебек-Джал Онкоров был вынужден 8 июля 1916 г. просить губернатора об отсрочке от мобилизации для своего внука Дорджи Манджиева, 22 лет, который, по словам просителя, «ведает мое коневодство за преклонностью моих лет и сдает лошадей в ремонт казне» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 406. Л. 1]. Также «вследствие ходатайства зайсанга Икицохуровского улуса Церена Бадмаевича Бадмаева губернатор признал возможным освободить от набора в рабочие отряды сына его Нимгира Бадмаева, ввиду того, что последний заведует сдачей лошадей в ремонт и снабжает мясом армию» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 406. Л. 2]. В таких случаях УКН выдавало соответствующее удостоверение освобожденному от призыва как в данном случае: «Удостоверение Управления калмыцким народом выдано Нимгиру Бадмаеву (сыну зайсанга) в том, что он освобожден от набора в рабочие отряды как заведующий сдачей лошадей в ремонт и снабжением мясом армии» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 406. Л. 3]. Подобные прошения губернатору или заведующему калмыцким народом об освобождении от призыва сыновей были поданы коннозаводчиками Пюрве Лиджиевым (Малодербетовский улус), Мануном Бадмаевым (Багацохуровский улус), Цаган-Убуши Леджиновым (Икицохуровский улус) и др. [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 406. Л. 7, 14, 22].

Многие коннозаводчики Калмыцкой степи добивались освобождения от призыва для своих работников: Лиджи Бамбаев (Малодербетовский улус) для 4 табунщиков

и управляющего хозяйством, Бембя Базыров (тот же улус) — для табунщика Лиджи Манджиева, зайсанг Дорджи Боваев (Сальский аймак Малодербетовского улуса) — для 12 табунщиков, зайсанг Церен Бадмаев (Икицохуровский улус) — для 8 рабочих [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 406. Л. 21, 29, 36]. Следует сказать, что у зайсанга Сальского аймака Д. Боваева были заняты на полевых работах 32 чел., для которых он также добивался освобождения от мобилизации в другом прошении от 24 сентября 1916 г. [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 410. Л. 69].

Многие коневоды и скотоводы, не имевшие свидетельства ГУГК, также освободились от призыва по ряду других обстоятельств. Был освобожден от мобилизации коневод Манджи Горяев (Гайдукский аймак Эркетеневского улуса) по представлению попечителя улуса, который очень хорошо отозвался о хозяйстве просителя (700 лошадей, 3 000 овец, 17 верблюдов, 160 голов крупного рогатого скота) и присовокупил: «Принимая во внимание, что Горяев состоит попечителем улусной школы, оказывая ей немалую поддержку, считаю возможным освободить его от призыва» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 406. Л. 26–27]. Скотовод Эркетеневского улуса Сангаджи Манджиев, имевший 400 лошадей, был освобожден от призыва как член Кек-Усунской аймачной ссудно-сберегательной кассы, коневод Даган Нимгиров из Гайдукского аймака того же улуса, имевший 300 лошадей, — как содержатель почтовой выставки при ставке улуса [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 406. Л. 47–48].

В ходе подготовки к мобилизации калмыков к губернатору обратился 10 июля 1916 г. губернский начальник управления земледелия, он же — уполномоченный по заготовкам для армии с просьбой об освобождении от призыва на тыловые работы тех калмыков и киргизов (казахов), которые работали «на астраханских бойнях пастухами скота, принимаемого от земств, и проводниками, перегоняющими скот до станций назначения. Прошу освободить их от реквизиции с обязательным оставлением их на работах по вверенным мне заготовкам продовольствия» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 4]. Уже на следующий день губернатор разрешил освободить от реквизиции этих рабочих, занятых заготовкой продовольствия для армии [НА РК. Ф. И-9.

Оп. 2. Д. 224. Л. 5]. Уполномоченным по заготовкам были подготовлены поулусные списки таких работников. В частности в Александровском улусе таковых насчитывалось 105 чел., работавших на должности «пастух воинского скота» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 6].

6. Мобилизация

Достаточно активно и результативно работали врачебные комиссии по освидетельствованию здоровья мобилизуемых калмыков во всех аймаках в составе попечителя улуса, его помощника и врача. Так, в Центральном аймаке Малодербетовского улуса комиссия работала в течение 3 дней (19–21 сентября 1916 г.): из 570 лиц призывного возраста не явилось по разным причинам (в основном, из-за работы по найму в других местностях) на комиссию 130, признаны годными к призыву 387 чел., негодными по здоровью — 35 чел., получили отсрочку по ходатайству скотоводов 18 чел. [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 40].

В Приволжском аймаке 23 сентября из 150 чел. явилось на заседание комиссии 105 чел., из которых 7 были признаны негодными, 13 лицам были рекомендованы легкие работы по состоянию здоровья, 5 чел. получили отсрочку по просьбам их работодателей-коневодов [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 38].

В Цаган-Нурском аймаке 25 сентября явились на освидетельствование комиссией 149 чел., из которых 130 признаны годными, 18 была дана отсрочка до 1 декабря по ходатайству крупных скотоводов, 13 признаны негодными по состоянию здоровья, в том числе 4 — «по физическому развитию менее 19 лет», 9 лицам было рекомендовано лечение. 3 человека, пожелавшие отправиться на тыловые работы взамен других, были признаны годными [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 25].

В Эрдниевском аймаке Харахусовского улуса 2 человека 46 и 48 лет, У. Васькиев и Д. Кекшенов, пожелали мобилизоваться вместо своих сыновей, 3 калмыка из пос. Калмыцкий Базар и крещеный калмык пос. Чилгир Степан Ткачев — вместо 4 жителей Эрдниевского аймака [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 10]. Следует полагать, что в последних случаях имела место материальная компенсация.

В период мобилизации была перегружена больничная сеть Калмыцкой степи, куда для лечения направляли заболевших из числа призванных лиц. УКН было вынуждено 12 октября 1916 г. направить распоряжение во врачебное отделение, чтобы «в улусные больницы принимали до излечения только больных из реквизируемых с инфекционными или острыми заболеваниями. Других же больных не принимать из-за недостатка мест» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 96].

Процесс мобилизации в Калмыцкой степи завершался отправкой на прифронтовые работы призванных калмыков из сборного пункта в г. Черный Яр. По распоряжению заведующего калмыцким народом Б. Э. Криштафовича в сборный пункт с 15 сентября 1916 г. должны были ежедневно прибывать партии по 100 чел. из Малодербетовского улуса, с 13 октября — из Манычского улуса [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 1].

На самом деле, этот распорядок не всегда соблюдался. Так, 29 сентября в пункт прибыла первая партия в количестве 362 чел. из Харахусовского улуса и третья партия (400 чел.) — из Яндыко-Мочажного улуса, которые были сданы астраханскому уездному воинскому начальнику. 1 октября прибыла вторая партия харахусовцев из 186 чел., «недостающие 4 калмыка бежали» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 15]. В тот же день в пункт была доставлена очередная группа мобилизованных из Яндыко-Мочажного улуса (400 чел.) и в сопровождении полицейского стражника прибыли 3 калмыка из Харахусовского улуса. 1 человек из Яндыко-Мочажного улуса уже на сборном пункте был освобожден от призыва распоряжением губернатора [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 18]. В сборном пункте обязательно подвергалась дезинфекции формалином верхняя одежда и обувь призывников «посредством аппарата Заревича в большой японской камере» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 21]. Так, 1 октября по приказу губернатора были заменены на новые испорченные в процессе дезинфекции 14 тулупов и пара кожаных сапог [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 21].

Остро стоял вопрос о необходимой зимней одежде и обуви для мобилизованных бедняков. 10 октября заведующий калмыцким народом Б. Э. Криштафович

приказал попечителю Багацохуровского улуса срочно обеспечить всем необходимым задержанных в Черном Яру калмыков, мобилизованных из данного улуса, из которых 40 чел. оказались без сапог, 8 — без полушубков, один — без шапки [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 254]. В телеграмме, направленной губернатору 8 ноября, исправник Стройков сообщал: «Из числа багацохуровских калмыков 32 человека обуты в поршни с войлочными чулками, сапог нет. Надо снабдить их сапогами» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 271]. В своей телеграмме 10 ноября Б. Э. Криштафович приказал попечителю Малодербетовского улуса срочно обеспечить одеждой и обувью лиц из числа мобилизованных из этого улуса калмыков, из которых 6 чел. были без сапог, 4 — без полушубков, 3 — без зимнего белья, 2 — без нормальных брюк [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 252].

Одновременно с мобилизационными мероприятиями с июля 1916 г. в калмыцких улусах по инструкции планировалось создание аймачных комитетов попечения для помощи семьям калмыков, призванных на тыловые работы. 17 июля 1916 г. УКН предложило обсудить на заседаниях аймачных сходов этот вопрос. В сентябре того же года возникла необходимость в подготовке особой инструкции, определявшей порядок действий планировавшихся комитетов попечения. В УКН был разработан проект указанной инструкции, направленной 7 сентября астраханскому губернатору на утверждение, с указанием на то, что «для обеспечения устойчивости комитетов попечения в проекте указано, что выборные члены комитета в возрасте свыше 31 года при возможной последующей реквизиции не будут подлежать призыву на тыловые работы» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 72]. Согласно проекту в обязанности этих комитетов входили забота о хозяйстве этих семей, обеспечение продуктами первой необходимости, материальная помощь нуждавшимся. В состав аймачного комитета под председательством старшины должны были входить все хотонные старосты аймака и выборные лица по одному от каждых 25 семей. В случае выделения помощи нуждавшимся необходимо было составлять акт обследования и принимать соответствующее решение на заседании аймачного комитета. В улусах по

проекту планировалось образовать улусные комитеты попечения из аймачных старшин во главе с попечителем, призванные обеспечивать руководство аймачными комитетами. Общий надзор должно было осуществлять УКН [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 73]. По имеющимся в нашем распоряжении материалам деятельность аймачных комитетов попечения не прослеживается. Вероятней всего, они не были созданы, и, возможно, проект инструкции так и не был утвержден.

Помимо мобилизации калмыков на тыловые работы, очень много хлопот в 1916–1917 гг. выпало на долю должностных лиц органов местного самоуправления и чинов администрации Калмыцкой степи по организации учета и призыва «посторонних» лиц в калмыцких улусах. По данным улусных управлений на 1 января 1916 г., население Калмыцкой степи по улусам было распределено следующим образом (см. табл. 1):

Таблица 1. Национальный состав населения Калмыцкой степи (1916 г.)

[Table 1. Ethnic population structure of Kalmyk Steppe. 1916]

Улусы	калмыки	русские	татары	украинцы	казахи	белорусы	армяне	поляки	Итого
Эркетеневский	11 987	83	14	8			21	1	12 114
Харахусовский	7 238	148	7				3		7 396
Манычский	26 618	1 883	11					1	28 513
Александровский	8 196	321	40		165			3	8 725
Икицохуровский	13 607	838						4	14 449
Яндыко-Мочажный	35 237	295	40				11	1	35 584
Багацохуровский	8 601	62							8 663
Малодербетовский	34 606	786	5	183		55			35 635
пос. Калмыцкий Базар	740	195	421		18				1 374
Всего:	146 830	4611	538	191	183	55	35	10	152 453
в %	96,3	3,024	0,36	0,13	0,12	0,04	0,02	0,006	100

Источник: [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 414. Л. 37–45].

В данную таблицу включено население, непосредственно проживавшее в калмыцких улусах и находившееся в административном ведении УКН. Следует иметь в виду, что соседние русско-украинские крестьянские поселения региона были введены в состав Черноярского уезда Астраханской губернии или же являлись хуторами донских станиц, в связи с чем в приведенную статистику не вошли.

В ноябре 1916 г. в Калмыцкой степи осуществлялся сбор сведений по улусам о лицах славянского населения досрочного призыва 1919 г., родившихся в 1898 г. Так, в Манычском улусе оказалось таковых 10 чел.: 8 — в пос. крещеных калмыков Бислюрта, по одному — в Ульдючиновском, Бага-Чоносовском, Бурульском и Оргакиновском аймаках. Все они являлись выходцами из крестьян Ставропольской, Воронежской (4 чел.), Харьковской, Екатеринославской

и Астраханской (3 чел. из Черноярского уезда) губерний. Позднее заведующий Манычским улусом дополнил эти сведения еще одним человеком: мещанин посада Дубовка Царицынского уезда Саратовской губернии В. Т. Диденко [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 414. Л. 9, 12].

В начале 1917 г. в связи со сбором данных о военнообязанных лицах были составлены полные списки лиц, работавших в органах управления, школьном образовании (в том числе в двух буддийских школах Цанит-Чоре¹), системе здравоохранения и ветеринарной помощи. По этим сведениям в органах калмыцкой администрации в 1917 г. работали 42 чел. В этом списке мы встречаем имя заведующего калмыцким народом, титулярного советника Б. Э. Криштафовича, работавшего в системе УКН с 1909 г. и

¹ Так в источнике. Также встречается написание: Цаннид-Чёёря, Цанид-Чора, Цаннит-Чойра.

награжденного медалью за выполнение мобилизационных мероприятий 1914 г., коллежского асессора Ф. И. Плюнова, чиновника по особым поручениям, работавшего в органах калмыцкого управления с 1891 г., награжденного орденом и 4 медалями. Руководителями улусных управлений являлись: попечитель Малодербетовского улуса, надворный советник А. И. Каллистов, награжденный 3 орденами и 5 медалями, со стажем работы более 30 лет (с 1884 г.); заведующий Манычским улусом, коллежский регистратор В. П. Егоров (награжден орденом св. Станислава 3-й степени); заведующий Александровским улусом, коллежский регистратор М. Д. Ермаков (в ведомстве УКН с 1901 г.); попечитель Багацохуровского улуса, коллежский асессор В. М. Овечкин; попечитель Эркетеневского улуса, коллежский асессор П. А. Муликовский; заведующий Икицохуровским улусом, надворный советник В. Ф. Недоносков; попечитель Яндыко-Мочажного улуса, коллежский асессор П. И. Богданов; попечитель Харахусовского улуса, коллежский регистратор В. М. Билотинов; попечитель пос. Калмыцкий Базар, коллежский регистратор Б. Л. Саввич [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 414. Л. 35–36].

В этом списке значатся имена 5 врачей Калмыцкой степи: врач УКН, коллежский советник С. Р. Залкинд, награжденный 3 орденами (Анны 3-й степени, Станислава 2 и 3-й степени) и медалью; врач УКН, коллежский регистратор В. О. Астахов; врач Икицохуровского улуса, не имевший чина, М. А. Чапковский; врач УКН (чин не указан) С. И. Воскресенский; врач УКН, надворный советник А. П. Цветков [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 414. Л. 35–36].

В данном архивном деле имеется полный список 27 улусных, аймачных и родовых школ в 1917 г. в Калмыцкой степи. В Малодербетовском улусе имелись 2 мужские (учителя О. А. Кутузова и Л. А. Лощинская) и женская (М. С. Мучулаева) улусные школы, аймачные школы в Центральном (Н. В. Надеждина) и Абганеровском (А. Ч. Чапчаев) аймаках, родовые школы — Кетченеровская (В. Н. Коротков), Сальская (В. П. Попова), Шарнут-Чонососовская (П. Буваев) и Червленская (В. Тушканов) [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 414. Л. 53]. В Манычском улусе, кроме двух (мужская —

учитель Т. Д. Юркова, женская — А. К. Ларионова) улусных, было 7 аймачных школ: Бага-Чонососовская (Е. М. Конокотина), Бурульская (П. Г. Коржева), Ики-Чонососовская (О. А. Михельсон), Мандженкиновская (С. Коробкова), Оргакиновская (Н. А. Исакова), Ульдючиновская (Е. И. Мусорина) и Яшкульская (М. Н. Шашлинцева). В списках значились Икицохуровская мужская улусная (А. Д. Морозова), Эркетеневская мужская улусная (Е. В. Бабилова), Харахусовская мужская улусная (Е. Ф. Дубянская), Багацохуровская мужская улусная (Л. Е. Баланина) и Калмыцко-Базаринская (В. А. Лощинская) школы. В Яндыко-Мочажном улусе обозначены мужская (Е. А. Дергунов) и женская (Е. Л. Мещерякова) улусные школы, Багутовская (П. С. Андреева) и Багацохуровская (С. Г. Мещерякова) аймачные школы, в Александровском улусе — мужская улусная (Е. А. Куликова), Тюменевская (Е. П. Глушкова) и Короволукинская (Ш. Болдырев) родовые школы [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 414. Л. 53–54].

В деле представлен список буддийских священнослужителей, служивших в 1916–1917 гг. в двух Цанит-Чоре: в Малодербетовском — руководитель Бадма Боваев, инспектор-экзаменатор Ламин Бодмон, регент Хулхачи Музраев, надзиратель Лешит Беяев, казначей Мухла Бакланов, эконоом Лиджи Эвеев, в Икицохуровском — инспектор Дондор Буюнтуев, надзиратель Лыгдын Дылыков, регент Бага Дорджиев, эконоом Дорджи Тангатов [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 414. Л. 54].

Представляют интерес сведения о медицинских и ветеринарных работниках в апреле 1916 г.: в Малодербетовском улусе — врач и фельдшер в ставке улуса, по одному фельдшеру в Цаган-Нурском и Абганеровском аймаках, в Манычском улусе — врач и два фельдшера при ставке, по одному фельдшеру в Бурульском, Бага-Чонососовском, Ульдючиновском аймаках и в пос. Бислюрта, в Яндыко-Мочажном улусе врач и 2 фельдшера в ставке, и фельдшеры в Багутовском и Багацохуровском аймаках, в Эркетеневском улусе — врач и 2 фельдшера в ставке и фельдшер в Можарском фельдшерском пункте, в Икицохуровском улусе — врач и 3 фельдшера, в Харахусовском — врач и 2 фельдшера, Багацохуровском — фельдшер в ставке улуса и

фельдшер в Баруновском аймаке, в Александровском — 2 фельдшера (один в ставке улуса, другой — в Тюменевском аймаке), в пос. Калмыцкий Базар — врач и два фельдшера [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 414. Л. 52–52об.]. В ветеринарной службе в калмыцких улусах работали в 1916 г. 3 ветеринарных врача: старший ветеринарный врач при УКН, надворный советник М. И. Спасский, участковые ветеринарные врачи — надворный советник К. П. Балашов в Малодербетовском улусе и С. Г. Тимошкаев — в Икицохуровском улусе [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 414. Л. 73].

В штате улусных управлений числились 7 переводчиков: О. Четыров, Я. Токов, А. Ф. Бондаренко, С. Бурлыков, С.-Г. Эрденев, К. Никитин, Л. Азыдов. В 1916 г. в Калмыцкой степи насчитывалось 25 больших, 44 малых хурулов и молитвенный дом в пос. Калмыцкий Базар [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 414. Л. 49–51]. Лама калмыцкого народа Чимид Балданов «за отлично-усердную службу» (в духовном звании с 1864 г., в должности Ламы калмыцкого народа — с 1910 г.) был представлен к «Высочайшей награде в порядке постепенности» (серебряная медаль «За усердие» в 1916 г. [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 414. Л. 135].

Все указанные данные в 1916–1917 гг. были собраны в рамках сбора сведений о лицах досрочного призыва 1919 г. Также к «посторонним» лицам, проживавшим в калмыцких улусах, относился призыв на военную службу ратников ополчения 1 и 2 разрядов, начавшийся с 15 августа 1916 г. В связи с этим заведующий Манычским улусом 6 августа 1916 г. просил предоставить отсрочку от мобилизации ратнику ополчения 2 разряда, крестьянину слободы Ильинка области Войска Донского, являвшемуся Бислюртинским волостным писарем [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 411. Л. 8].

7. Заключение

Представленные конкретные материалы о буднях мобилизации астраханских калмыков позволили в значительной степени дополнить и обогатить наши представления о калмыцком обществе в период Первой

мировой войны. В отличие от довольно распространенного мнения об экономическом упадке ряда регионов Европейской России в годы Первой мировой войны в калмыцких улусах Астраханской губернии сельское хозяйство сохранило устойчивость. Калмыкии, особенно в условиях военного времени, была отведена роль поставщика лошадей в ремонт кавалерии, верблюдов для транспортных нужд, крупного и мелкого скота для продовольствия. Приведенные нами сведения показывают динамичное развитие коннозаводства в калмыцких улусах прежде всего для военных нужд. Столь безграничный рынок сбыта позволил калмыцким скотоводам развивать и наращивать животноводческое хозяйство. В то же время значительный по сравнению с довоенным временем рост посевных площадей зерновых культур в Малодербетовском и Манычском улусах был связан с нехваткой хлеба на калмыцком рынке в связи с аграрным кризисом и тотальным дефицитом продовольственных товаров в стране.

Анализ конкретного материала показал, что в годы войны еще более возросли масштабы применения наемных рабочих на региональном рынке труда за счет использования их на транспорте, заготовках продовольствия для армии, а также в крупных животноводческих хозяйствах, на рыбных и соляных промыслах, продукция которых шла на нужды фронта. В связи с этим представители данной социальной группы по представлению их работодателей получили отсрочку от мобилизации на тыловые работы. Были освобождены от призыва на тыловые работы представители калмыцкой знати, штатное буддийское духовенство, врачи, учителя, должностные лица. Во всех остальных случаях вопрос об отсрочке от призыва решался индивидуально. Калмыцкое население также выплачивало воинский налог и осуществляло добровольные пожертвования на нужды фронта деньгами и продовольствием. В целом калмыцкое общество с трудом испытывало тяготы Первой мировой войны.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Литература

- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3 тт. Т. II. Элиста: Герел, 2009. 840 с.
- Команджаев 1989 — *Команджаев А. Н.* Экономическое развитие Калмыкии и положение ее трудящихся в годы Первой мировой войны // Социально-экономическое и политическое положение крестьянства Калмыкии в дооктябрьский период. Элиста: КНИИИФЭ, 1989. С. 128–145.
- Команджаев 1999 — *Команджаев А. Н.* Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX века: исторический опыт и современность. Элиста: Джангар, 1999. 262 с.
- Максимов 2014а — *Максимов К. Н.* Калмыки в Первой мировой войне // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. Т. 7. № 4. С. 20–26.
- Максимов 2014б — *Максимов К. Н.* Калмыки в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2014. № 12. С. 69–83.
- Максимов 2016 — *Максимов К. Н.* Калмыки в составе донского казачества (XVII – середина XX в.). Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2016. 575 с.
- Максимов 2021 — *Максимов К. Н.* Участие калмыков в Первой мировой войне // Вестник

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Дагестанского государственного университета. Серия 2 (Гуманитарные науки). 2021. Т. 36. Вып. 3. С. 45–52.

Надбитов 2012 — *Надбитов Р. К.* Экономическое положение Калмыкии в годы Первой мировой войны // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. Т. 5. № 4. С. 13–18.

Орехов 1967 — *Орехов И. И.* Первая мировая война и развитие калмыцкого общества // Ученые записки Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории. Серия историческая. Ч. 1. Вып. 5. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1967. С. 77–117.

Очерки истории 1967 — Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период / Н. В. Устюгов (гл. ред.), И. Я. Златкин, Е. Н. Кушева и др. М.: Наука, 1967. 479 с.

Собрание узаконений 1916 — Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате.... СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1916, отдел 2, 1-е полугодие, ч. 1. 1556 с.

Шовунов 1991 — *Шовунов К. П.* Очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 189 с.

Шовунов 1992 — *Шовунов К. П.* Калмыки в составе российского казачества. Элиста: КИОН, 1992. 320 с.

References

- Collected Enactments and Decrees of the Government Published by the Governing Senate. St. Petersburg: Governing Senate, 1916. Vol. 2. Pt. 1: January – June [1916]. 1556 p. (In Russ.)
- Komandzhaev A. N. Economy and Social Relations in Kalmykia, Late 19th – Early 20th Century: Historical Experiences and Present-Day Conditions. Elista: Dzhangar, 1999. 262 p. (In Russ.)
- Komandzhaev A. N. Kalmykia's economic development and conditions of its working class during WWI. In: Socioeconomic and Political Conditions Faced by Kalmykia's Peasantry in the Pre-October Period. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1989. Pp. 128–145. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Don Kalmyk Cossacks: 17th to Mid-20th Centuries. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center (RAS), 2016. 575 p. (In Russ.)

Maksimov K. N. Kalmyks during WWI. *Voprosy Istorii*. 2014. No. 12. Pp. 69–83. (In Russ.)

Maksimov K. N. Kalmyks in World War I. *Oriental Studies*. 2014. Vol. 7. No. 4. Pp. 20–26. (In Russ.)

Maksimov K. N. Kalmyks participation in the First World War. *Herald of Dagestan State University. Series 2. The Humanities*. 2021. Vol. 36. No. 3. Pp. 45–52. (In Russ.)

Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Elista: Gerel, 2009. Vol. 2. 840 p. (In Russ.)

Nadbitov R. K. Economic situation of Kalmykia in the days of the First World War. *Oriental Studies*. 2012. Vol. 5. No. 4. Pp. 13–18. (In Russ.)

Orekhov I. I. WWI and Kalmyk social development. In: Scholarly Notes by Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History. Series 'History'. Pt. 1. Is. 5. Elista: Kalmykia Book Publ., 1967. Pp. 77–117. (In Russ.)

- Shovunov K. P. Essays on Kalmyk Military History: 17th–19th Centuries. Elista: Kalmykia Book Publ., 1991. 189 p. (In Russ.)
- Shovunov K. P. Kalmyks in Cossack Hosts of Russia. Elista: Kalmyk Institute of Social Sciences, 1992. 320 p. (In Russ.)
- Ustyugov N. V. et al. (eds.) Kalmyk ASSR: Historical Essays. The Pre-October Period. Moscow: Nauka, 1967. 479 p. (In Russ.)

